

АВГУСТ

1914

КОМУ НУЖНА
РЕВИЗИЯ
ИСТОРИИ?

СТАРЫЕ И НОВЫЕ СПОРЫ
О ПРИЧИНАХ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

МИЛЕ
БЕЛЯЦ

Миле Белаяц
**Кому нужна ревизия
истории? Старые и
новые споры о причинах
Первой мировой войны**
Серия «Август 1914.
Все о Первой мировой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17313366

*Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах
Первой мировой войны / М. Белаяц, Предисловие к рус. изд. д-ра ист.
наук Шемякина А. Л.: ООО «ТД Алгоритм»; Москва; 2015
ISBN 978-5-906789-78-5*

Аннотация

В книге видного сербского ученого, директора Института новейшей истории Сербии, доктора исторических наук Миле Белаяца «Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны», впервые опубликованной на русском языке, скрупулезно исследуются все попытки пересмотра истории Великой войны, её природы, причин и «изнанки» и дается отпор тем, кто торопится записать Россию

и исполнительницу ее «имперской воли» Сербию в число зачинщиков той кровавой бойни и спроецировать это «открытие» на ситуации тридцатых – сороковых и девяностых годов XX века. Монография авторитетного ученого является результатом глубокого анализа солидного корпуса книг, статей и иных публикаций, увидевших свет в Европе и США в период с конца Первой мировой войны и до наших дней.

Содержание

Краткое предисловие к русскому изданию	6
Почему ревизия? Почему сейчас? Новая книга Миле Белаяца	9
Предисловие	19
Политическое происхождение оценок причин Мировой войны	26
Нужны ли были Сербии международный кризис и война в 1914 г.?	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Миле Белаяц
Кому нужна ревизия
истории? Старые и
новые споры о причинах
Первой мировой войны

© Белаяц М., 2015

© Медиа-центр «Одбрана», 2015

© Перевод с сербского Силкин А.

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Краткое предисловие к русскому изданию

С особым удовольствием предлагаю вниманию российских научных кругов и широкой читательской аудитории дополненный вариант книги «1914–2014: цели ревизии». Более года прошло с того момента, как увидело свет первое издание, приуроченное к столетней годовщине Первой мировой войны. С тех пор появилось много новых работ, состоялись многочисленные конференции, напечатаны интервью авторитетных историков Первой мировой войны и прочих деятелей культуры, высказавших свое мнение о современном состоянии проблемы и особенно о попытках ревизии некоторых традиционных трактовок причин конфликта. Приняв во внимание этот новый богатый материал, мы представляем читателю более полную картину того, как в современном мире смотрят на интересующую нас тему. Разумеется, в центре нашего внимания Сербия и противоречивые оценки ее политики. Однако ничуть не меньше нас интересует то, как историография смотрит на роль России в Июльском кризисе 1914 г. В частности, мы не могли оставить без ответа вновь звучащие в ее адрес обвинения в том, что она не спасла мир в Европе. Для этого якобы надо было лишь отступить от «государства-изгоя» Сербии. Также бросает-

ся в глаза намерение изобразить Австро-Венгрию процветающей цивилизацией, толерантным «содружеством» народов и религий. Ее (гео)политические интересы или ретушируются, или преподносятся как абсолютно легитимные, особенно для государства, стремящегося подтвердить свой статус великой державы.

Мы познакомим читателя как с наиболее значимыми тезисами современных ревизионистов, так и с контраргументами и комментариями тех, кто им противостоит. Масса примеров продемонстрирует, что многие «новейшие открытия» на самом деле не более чем интерпретации, возникшие в межвоенное время в центральноевропейских государствах, стремившихся сбросить бремя вины, возложенное на них мирными договорами.

Новомодные трактовки роли Сербии и России во многом обусловлены как событиями, произошедшими на Балканах в 1990-е гг., так и сегодняшним обострением международных отношений, грозящим рецидивом холодной войны. Небезосновательны опасения, что дискуссия о Первой мировой войне – это всего лишь прелюдия к релятивизации общепринятых представлений о причинах Второй мировой войны.

В заключение воспользуюсь случаем, чтобы поблагодарить редактора «Медиацентра» госпожу Драгану Маркович, инициативность и предприимчивость которой сделали возможным выход русского издания книги. Хотелось бы высказать удовлетворение в связи с тем, что перевод был поручен

Александрю Силкину, благодаря которому русский читатель имеет возможность познакомиться со многими достижениями сербской историографии. Моему старому товарищу Андрею Шемякину я благодарен за то, что он согласился написать предисловие к настоящей работе. И названные коллеги, и многие другие, кто поддерживал меня и помогал советом, навсегда останутся частью этого проекта.

Автор

Йерисос, Халкидики, июль 2015 г.

Почему ревизия? Почему сейчас?

Новая книга Миле Белаяца

Нам доставляет большое удовольствие представить российским читателям монографию видного сербского ученого, директора Института новейшей истории Сербии, доктора исторических наук Миле Белаяца «Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны», опубликованную в переводе на русский язык всего год спустя после ее выхода в Белграде¹. Книга явилась итогом реализации совместного проекта белградского Медиацентра «Одбрана» («Защита») и московского издательства «Алгоритм»; причем оперативность, с какой он был выполнен (крайне необходимая именно сейчас – в условиях нового, на сей раз «юбилейного», всплеска историко-пропагандистских фабрикаций на Западе), есть их несомненная и важнейшая заслуга. Что следует выделить особо, ибо наши официальные «исторические» инстанции во главе с высокими чинами (например, Военно-историческое общество), постоянно твердя о патриотизме и недопустимости ревизии истории, увлекались в год столетия начала Войны главным образом ваянием памятников – посредственного, кстати гово-

¹ *Белаяц М.* 1914–1918. Зашто ревизија? Старе и нове контроверзе о узроцима Првог светског рата. Београд: Медија Центар «Одбрана», 2014.

ря, уровня – по всей стране и за рубежом. Оно и понятно: установление бронзовых истуканов куда «нагляднее», да и прибыльнее, чем обеспечение качественного научного перевода. А перевести есть что! Всего один факт: классический труд немца Фрица Фишера, в котором убедительно показана роль Германии в раздувании мирового пожара², за что и принятый на родине «с зубовным скрежетом»³, был к 2011 г. переведен на 27 языков⁴. В 2014 г. его перевели сербы⁵ – в отличие от нас, они вообще переводят очень много. И значит, теперь он уже читается на 28 языках. Но, увы, русский в их числе отсутствует.

Оттого-то нам и представляется столь своевременным выход в Москве книги М. Белаяца, в которой скрупулезно исследуются все попытки ревизии истории Великой войны. Ведь начиная с 1920-х гг. в Германии, Австрии, а затем в США не прекращаются усилия «подправить» ее. Прежде всего в ракурсе поиска *подлинных «виновников», кем объявляются Россия и исполнительница ее «имперской» воли Сербия. Одним из первых «ревизионистов» стал американский историк Сидней Фей, чья работа о «происхождении Мировой*

² Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegzielpolitik Kaiserlichen Deutschland 1914–1918. Düsseldorf, 1961.

³ Ekmečić M. Predgovor // Fišer F. Posezanje za svetskom moći. Politika ratnih ciljeva carske Nemačke 1914–1918. Beograd, 2014. S. X.

⁴ Уткин А. И. Забытая война // Забытая война и преданные герои. М., 2011. С. 22.

⁵ См. примечание 3.

войны» впервые вышла еще в 1928 г.⁶.

В последние полтора десятка лет эта тенденция на Западе только усилилась в тесной связи с балканскими событиями конца XX в. В стремлении взвалить коллективную ответственность за все на один народ там, образно говоря, «к штыку приравняли перо». История, таким образом, снова оказывается служанкой политики, а «нужные» (или «политкорректные») представления о балканской реальности подменяют саму реальность. И «подвернувшийся» весьма кстати печальный юбилей используется в данном контексте в полной мере⁷. Назовем лишь три новейшие работы,

⁶ Fay. S. The Origins of the World War. Vol. I–II. New York, 1928. Перевод на русский язык: Фей С. Происхождение мировой войны. М.–Л., 1934.

⁷ Подробнее об этом см.: *Bjelajac M.* Novi (stari) zapleti oko uzroka Prvog svetskog rata pred obeležavanje 100. godišnjice // Tokovi istorije. Beograd, 2013. Br. 1. S. 15–62; *Bjelajac M.* 1914–1918. Zasto revizija? Stare i nove kontroverzе o uzrocima Prvog svetkog rata; *Pavloviћ V.* Prvi svetски rat: одговорност и дуго трајање. Поговор // *Момбауер А.* Узроци Првог светског рата. Београд, 2013. С. 211–221; *Vojinović M.* Christopher Clark. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. // *Balkanica*. Vol. XLIV. Belgrade, 2013. P. 422–432; *Радојевић М., Димић Љ.* Србија у Великом рату 1914–1918. Београд, 2014. С. 5–8; *Поповић Н.* Европски рат 1914. Београд, 2014. С. XVIII–XXII; *Љушић Р.* Принцип Гаврило (1895–1918). Оглед о националном хероју. Београд, 2014. С. 19–20; *Перишић М.* Сарајевски атентат. Повратак документима. Андрићград – Вишеград, 2014. С. 7–19; *Екмечић М.* Предговор трећем издању // *Он же. М.* Ратни циљеве Србије 1914. Београд – Гацко, 2014. С. XXVII–XXX; *Искендеров П. А.* Балканские корни Первой мировой войны: правда и вымысел // *Славянский мир в Третьем тысячелетии*. М., 2014. С. 152–169; *Шемякин А. Л.* «Балканские воспоминания» Василия Штрандтмана. Драгоценный источник к столетию Первой мировой // *Родина*. 2014. № 8. Специальный выпуск «Великая война 1914–1918». С. 19–23...

вышедшие как раз в его преддверии из-под пера Шона Макмекина⁸, Кристофера Кларка⁹ и Маргарет Макмиллан¹⁰, каждую из которых коллега Белаяц тщательно разбирает.

Ну а в прошедшем 2014 году западную науку о войне и вообще поразил вирус ничем не прикрытой тенденциозности. Так, в сентябре в престижном вашингтонском Центре им. Вудро Вильсона состоялось дискуссия, посвященная началу Первой мировой войны. В ходе ее вдова «творца» дейтонской Боснии и Герцеговины Ричарда Холбрука Кэти Мертон, претендующая на лавры историка, заявила: «Франц Фердинанд был убит в результате террористической акции, спланированной в Белграде, где эти террористы и обу-

Тот факт, что новый всплеск «интереса» к вопросу о «подстрекателях» войны носит чисто политический, а не научный характер, показывает хотя бы хронология. Ведь до 1999 года, на который пришелся пик Косовского кризиса, когда для идеологического обеспечения бомбардировщиков НАТО на Западе вышла масса антисербской «историографической» продукции (как тут не вспомнить Ноэля Малькольма с его шедевром натовского агитпропа «A Short History of Kosovo»), особого ажиотажа он не вызывал. Ученые радовались: «Похоже на то, что пришел к благополучному концу некогда сотрясавший мировую историографию пресловутый и порядком наскучивший всем вопрос об ответственности за войну» (Исламов Т. М. Восточноевропейский фактор в исторической перспективе // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 47). Ан нет, «жив курилка!» – когда пришло время, его и впрямь, как заржавленный штык, снова вынули из ножен.

⁸ McMeekin S. The Russian Origins of the First World War. Harvard, 2011.

⁹ Clark C. Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London, 2012. Перевод на сербский язык: Klark K. Mesečari. Kako je Evropa krenula u rat 1914. Beograd, 2014.

¹⁰ MacMillan M. The War that ended Peace. The road to 1914. New York, 2013.

чались. Учил их человек по имени Никола Пашич (!!! – А. Ш.), некоронованный король Сербии». И далее: «Сербский экспансионизм, претендовавший на все территории, где проживают сербы, явился спусковым крючком к тому, что привело к катастрофе». И наконец: «Вторая причина катастрофы – это русские, а отнюдь не немцы...»¹¹. Комментарии, на наш взгляд, излишни!

По счастью, среди западных ученых есть и вполне объективные исследователи. Так, британец, сэр Макс Гастингс – с точностью диагноза – заметил в своей последней книге: «Начало XXI века принесло с собой множество “свежих” теорий и фантастических трактовок Июльского кризиса 1914 г., обнаружив при этом крайнюю скудость новых исторических источников, которым можно доверять»^{12 13}. Справедливое заключение, прямо подталкивающее к «диалогу» с очередными «интерпретаторами» истории и их воссозда-

¹¹ Вукотих Д. Лакрдија од историје у Центру «Вудро Вилсон» // Политика. 20.09.2014.

¹² Hastings M. Catastrophe. Europe Goes to War. New York, 2013 (перевод на сербский язык: Hejstings M. Katastrofa. Evropa ide u rat 1914. Beograd, 2014). P. 22.

¹³ Одним из таких редких источников, коим «можно доверять», являются «Балканские воспоминания» Василия Николаевича Штрандтмана (*Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания / Подгот. текста А. Л. Шемякина. М., 2014*). Опубликовав их на русском языке именно сейчас, мы уверены, что они станут серьезным подспорьем в интеллектуальной дуэли с носителями идеи «ревизии истории», которая чем дальше, тем больше становится мировым трендом... Добавим, что коллега Белаяц активно использовал мемуары В. Н. Штрандтмана при написании своей монографии.

нием, но уже в новой упаковке, «избитых» русско-сербских фобий и стереотипов. Такой «диалог» и содержит в себе монография М. Белаяца – компетентная и ценная именно для нашей аудитории, поскольку в российской научной литературе мы не обнаружили ни особого интереса к вновь поднимающейся волне историографического «ревизионизма», ни воли к ее изучению и «нейтрализации». Причем даже в изданиях, претендующих на «энциклопедичность»¹⁴. И это – при всех заклинаниях председателей казенных «исторических обществ» о непременном и категорическом противодействии фальсификаторам от истории!..

Одни лишь сотрудники Института славяноведения РАН (по должности) отметили наличие данной проблемы¹⁵.

* * *

Монография коллеги Белаяца является результатом глубокого анализа солидного корпуса книг, статей и иных публикаций (разных дисциплин, жанров и назначений), увидевших свет в Европе и США в период с конца Первой мировой войны и до наших дней. В них ставятся и делаются попытки разрешить вопросы о ее природе, причинах и «изнанке», подстрекателях и жертвах, мотивах каждого участника. Ав-

¹⁴ См., например: Первая мировая война. Энциклопедический словарь / Руков. проекта А. О. Чубарьян; отв. редактор Е. Ю. Сергеев. М., 2014.

¹⁵ См. примечание 7.

тор концентрирует свое внимание на тех весьма спорных интерпретациях причин Войны и ответственности за нее, которые из-за своего *политического происхождения явно пренебрегают научной объективностью. Он отслеживает и объясняет все имевшие место на протяжении почти столетия пики и откаты в развитии доктрины исторического ревизионизма, убедительно показывая, что и нынешнее «перепрочитание» на Западе истории Июльского кризиса 1914 г., как и кануна Мировой войны в целом, отнюдь не случайно и спонтанно, но срежиссировано и синхронизировано, ибо порождено, повторимся, политическими целями. Но в чем же оно, собственно, проявилось?*

В своей работе М. Белаяц приводит современные утверждения западных историков (разделяемые кое-кем из российских австро-унгаристов¹⁶), будто австрийский наследник эрцгерцог Франц-Фердинанд «был человеком мира» и его знаменитая встреча с кайзером Вильгельмом II в Конопиште за две недели до гибели в Сараево «совсем не касалась войны». А при такой трактовке, активно внедряемой в коллективное сознание, вполне логичным выглядит то, что параллельно массово выходят «исторические» труды, где «обнаруживается» подлинный виновник мирового пожара – понятное дело, это «сербский национализм» и его постоянная «конспиративная работа» против «вполне устроенной и цивилизованной Империи, являвшейся носителем идеи прогрес-

¹⁶ См.: Шимов Я. В. Австро-Венгерская империя. М., 2003. С. 424.

са и стабильности для Балкан (выделено нами. – А. Ш.)».

Из чего следует, что в ней отсутствовали внутренние проблемы, а какие были – те вбрасывались извне, как результат подрывной деятельности «нецивилизованных» сербов из Королевства. В том же нас пытается уверить и отечественный сторонник формируемой ныне «идеальной модели» Габсбургской монархии¹⁷: «Сербия постоянно провоцировала Вену в надежде на “русский штык”»¹⁸. И соответственно, пишет М. Белаяц, в Австро-Венгрии как бы и «не было ни антисемитизма, ни прозелитизма, ни денационализации, ни межнациональных противоречий, включая самих ивабов и мадьяр, а конкретно в Боснии и Герцеговине – жестокого отпора введению воинской повинности для местного населения, 87 % неграмотных, окаменелых феодальных отношений, сохранившихся с турецких времен, увеличения в пять раз числа полицейских участков и воинских гарнизонов...». Западные авторы, указывает он, идут настолько далеко, что «полностью избегают термина “колониальная политика”, или еще

¹⁷ Не только Австро-Венгрию, но и Османскую империю (!) пытаются сейчас представить на Западе эдаким «мультиэтническим раем». Точнее, национальную политику Порты трактуют там как постоянное стремление этот «рай» (или «братское единство всех народов Турции, предводимых султаном») обеспечить. Ну а армяне и балканцы объявляются разрушительными элементами – препятствием к реализации столь «умилительной» цели (Мантран Р. Историја Османског царства. С. 600–604. Приведено по: Јовановић Н. Увреда, бес и крв. Српска штампа и Мајски преврат. Београд, 2014. С. 10).

¹⁸ Романенко С. А. Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М., 2000. С. 35, 314.

точнее – «империализм»». При таких интерпретациях, делается вывод, у сербов в Боснии и Герцеговине и впрямь «не могло быть ни малейшего повода к недовольству» политикой Вены. Круг замкнулся – во всем, что случилось позже, виновата «варварская» Сербия (и, разумеется, ее «патрон» Петербург).

Вот только почему-то первый секретарь российской дипломатии в Белграде и Нише (а затем поверенный в делах) Василий Николаевич Штрандтман, истинный европеец по рождению и мировоззрению, напрочь лишенный так свойственного его шефу, посланнику Николаю Генриховичу Гартвигу, налета «панславизма», да к тому же очевидец событий, расставил акценты совсем иначе. Повествуя о покушении на Франца-Фердинанда, он заметил, что «австрийская политика по отношению к Сербии могла породить не только двух¹⁹, но и бесчисленное множество таких же сербских патриотов»²⁰. И с данной оценкой нам трудно не согласиться.

Политическая цель всех этих новых, а точнее хорошо забытых старых, версий очевидна: представить Сербию и стоявшую за ней Россию «вечными» заговорщиками и агрессорами (не зря Кристофер Кларк прямо связывает трагические события в Сребренице в 1995 г. с «кравлеубийством» в Белграде 29 мая 1903 г., что, на наш взгляд, не только

¹⁹ Речь идет о Гавриле Принципе и Неделько Чабриновиче.

²⁰ Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания. С. 260.

научно некорректно, но и непрофессионально). А отсюда – уже прямой путь к ревизии истории Второй мировой войны, в частности к умалению роли СССР в конечной победе или к отождествлению нацизма и коммунизма, о чем сейчас постоянно твердят на Западе (и не нем одном). Потому-то современный «пересмотр» истории кануна и начала Первой мировой войны не является эдакой безобидной, чисто «академической» дискуссией. Это уже не историография, но явный элемент информационной войны с продолжением и всеми последствиями. На таком фоне публикация книги Миле Белаяца на русском языке представляется предельно своевременной и актуальной.

И в заключение хотелось бы напомнить, что с творчеством автора научное сообщество России уже знакомо: в 2012 г. в «Славянском альманахе» вышел его текст²¹. Нынешнее сочинение, как мы надеемся, будет принято у нас с немалым интересом и даже, может быть, с желанием продолжить изучение темы генезиса Первой мировой войны и его ревизии, но теперь с другой стороны – в ракурсе познания российской «вины».

А. Л. Шемякин,
доктор исторических наук

²¹ Белаяц М. Армия Королевства Югославия в 1939–1941 гг. // Славянский альманах. М., 2012. С. 182–207.

Предисловие

Годовщина начала Первой мировой войны отмечена проведением по всему миру многочисленных конференций и публикацией тысяч материалов, посвященных событию столетней давности. В отличие от прежних «юбилеев», этот ознаменован попыткой некоторых историков и их влиятельных покровителей представить новую трактовку роли Балкан и в первую очередь Сербии в роковых событиях, предшествовавших мировому катаклизму. Часть печатной продукции преследует цель отвлечь внимание от получивших подтверждение фактов, свидетельствующих об усилиях германских кабинетов межвоенного времени любой ценой освободиться от ответственности за развязывание войны. Активизация данного направления постмодернистской историографии побуждает к тому, чтобы отслеживать и критически оценивать его плоды.

Обсуждение причин, повода и ответственности за начало войны протекает в профессиональном, идеологическом и политическом измерениях. При этом речь идет о проблемах, столь эпохальных по своему значению, что они служат причиной до сих пор не преодоленного раскола в рядах историков. Полемика, в ходе которой проявляется политическая заинтересованность ее участников, не только служит раздражителем коллективного исторического сознания, но и оказы-

вает весьма болезненное воздействие, сотрясая основы культурной идентичности тех или иных народов. Эксплуатация интересующего нас вопроса в политических целях берет начало еще до окончания Первой мировой войны, но особый размах приобретает в результате добавления особых статей в текст Версальского (ст. 231) и Сен-Жерменского (ст. 177) мирных договоров.

Сто лет назад – после Сараевского покушения, состоявшегося 28 июня 1914 г., – началось конструирование оправдания войны, к которой Берлин и Вена готовились заблаговременно. Таким способом предполагалось обеспечить Германии мировое господство, а также подтвердить статус внутренне нестабильной Австро-Венгрии как великой державы. Оправдание должно было повлиять на общественное мнение и нейтрализовать антивоенные настроения. Параллельно формировался демонизированный образ неприятеля, «обоснованную» расправу над которым обществу и отправлявшимися на фронт войсками следовало воспринимать как нечто «естественное и само собой разумеющееся».

Подлинными предпосылками войны в 1914 г. были геополитического свойства, а именно сохранение паритета сил между Тройственным союзом и Антантой с одной стороны и стремление первого из названных блоков к гегемонии на европейском континенте и вне его – с другой. При этом Германия еще в марте 1914 г. закончила все военные приготовления, а ее противники только к концу 1917 г. планировали за-

вершить аналогичные преобразования, чему препятствовали многочисленные внутренние проблемы (Северная Ирландия – в Великобритании; финансовые скандалы и раскол по вопросу военной реформы – во Франции; забастовки и революционные настроения – в России). Оказавшись на пороге войны, члены Антанты, даже не будучи к ней вполне готовыми, рассчитывали на конечную победу и достижение своих давнишних геополитических целей, которые, по сравнению с германскими, не были столь масштабными. Малые государства либо стали жертвой событий, «оказавшись на дороге» у сильных мира сего (Сербия, Люксембург, Бельгия), либо заняли выжидательную позицию, затрудняясь с выбором, на чью сторону встать (Болгария, Румыния и даже Италия).

Можно ли считать это, с позволения сказать, стандартное объяснение состоятельным и поныне? Как современная и новейшая историография интерпретирует события столетней давности? А как их оценивали в 1914, 1919, 1927, 1930, 1947, 1951, 1964, 1994 гг.? Как Сербия оказалась в сегодняшней ситуации, в которой голоса сторонников ревизии не только слышны отчетливей прочих, но и звучат в унисон со СМИ центральных держав 1914 и 1941 гг.? Как получилось, что для Европы «самым опасным» стал мелкий сербский национализм и империализм? На основе каких ценностей «большие», в отличие от «маленьких», располагают «моральным правом» оккупировать, аннексировать, «цивилизовать»? Какими критериями следует руководствоваться,

чтобы ответить на этот вопрос? Современными, относящимися к 2012–2014 гг., или теми, что были актуальны в 1912–1914 гг.? Как будто весь мир вернулся к политическому менталитету столетней давности с его классическими геополитическими мерилami и стремлением к экономическому доминированию, посредством которого можно все и всем диктовать: определять тарифы на железнодорожные, морские перевозки, цены сырья и рабочей силы, устанавливать рыночную свободу для богатых и препятствовать конкуренции со стороны нежелательных. Все должно быть прописано – и налоги, и крохотные пенсии, и желательное содержание СМИ.

Опыт исследования проблематики, относящейся к периоду с начала до конца XX в. (югославский кризис и распад СФРЮ), позволяет предположить, что для каждого исследователя окажется полезным предлагаемый нами анализ механизма государственного воздействия на труд историков (отечественных и зарубежных), побуждаемых к выборочной публикации документов, их сокрытию и даже фальсификации. Конкретный пример утверждения ответственности за Первую мировую войну демонстрирует, как в интересах государства осуществляется лоббирование, как привлекаются и поддерживаются «единомышленники», а также как происходит травля и преследование «оппонентов». И наконец, историкам, прежде чем кого-либо цитировать или полагаться на чью-либо интерпретацию, следует осведомиться о проти-

воречиях и разделительных линиях в собственном цеху.

Будучи на протяжении нескольких лет свидетелем того, как одна из заинтересованных сторон намеревается приурочить к годовщине начала войны публикацию якобы новых и сенсационных опусов, я счел необходимым составить в помощь будущим историкам своего рода памятку, описывающую, как интересующая нас тема рассматривалась на протяжении прошедшего столетия. Фрагмент исследования появился на страницах исторического журнала «Токови истории»²² в начале 2013 г. Материал, напечатанный в газете «Политика» в декабре того же года²³, должен был дать еще один ответ на вопрос, интересующий сербскую общественность: «что уготовано Сербии» в связи со столетием начала Первой мировой войны? Или, точнее, почему в некоторых СМИ и научных публикациях Сербия фигурирует в качестве злонамеренного организатора сараевского покушения и главного виновника последовавшей затем войны.

Едва ли не каждодневное появление очередной книги, сопровождаемое нагромождением научных и публицистических рецензий, полемика внутри профессиональной корпорации послужили мотивом к тому, чтобы осмыслить все это и вынести на суд широкой читательской аудитории работу

²² *Bjelajac M. Novi (stari) zapleti oko uzroka Prvog svetskog rata pred obeležavanje 100. godišnjice // Токови историје. 2013. № 1. С. 15–62.*

²³ *Бјелajaц М. Уочи стогодишњице Првог светског рата // «Политика». 30 новембар – 25 децембар 2013.*

обзорного характера, которая не обошла бы вниманием тех, кто на протяжении десятилетий занимался соответствующей тематикой. Надеюсь, что сноски укажут направление поиска коллегам, желающим соотнести собственные представления с имеющейся историографией, и облегчат ориентацию в бесчисленном множестве старых и новых изданий.

По своей структуре книга представляет собой совокупность ответов на дискуссионные вопросы, которые чаще остальных поднимаются как в современной литературе, так и в процессе общественного обсуждения. Таким образом, в фокусе нашего внимания находятся подлинно узловые проблемы. Ориентация на широкий круг читателей обусловила способ повествования посредством приведения примеров и их дальнейшего комментирования, суть которого в более или менее ироничном разоблачении упорных попыток реанимировать старые пропагандистские клише о «виновниках» войны.

Наблюдения за научной дискуссией, развернувшейся в 2014 г., а также за ее отзвуками в средствах массовой информации позволяют прийти к заключению, что поддержка пересмотра причин Первой мировой напрямую связана с усилиями осуществить аналогичную ревизию предпосылок Второй мировой войны. Предпринимаются практические шаги, нацеленные на обесценивание достигнутых ранее научных результатов, их игнорирование и замалчивание. Если не дать отпор подобной «методологии», ее приверженцам не соста-

вит труда добиться релятивизации традиционной интерпретации причин Второй мировой войны.

Политическое происхождение оценок причин Мировой войны

2013 г. Сербская пресса об историческом ревизионизме

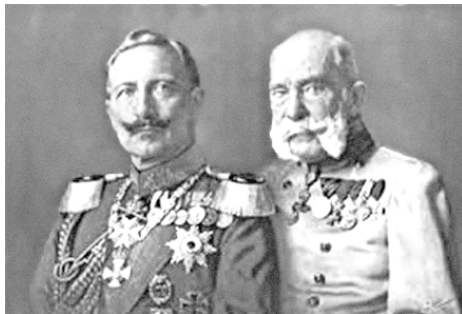
Книгам, посвященным началу Первой мировой войны, отведено главное место в витринах книжных магазинов Ве-

Vor Gott und der
Geschichte ist mein
Gewissen rein: Ich habe
den Krieg nicht gewollt.

A handwritten signature in cursive script, which appears to be "Wilhelm II". The signature is written in dark ink on a light background.

Военная открытка с обращением Вильгельма II: «Веду войну, которой я не хотел»

Формулированию политических суждений относительно исхода Июльского кризиса 1914 г. и последовавшего начала Мировой войны предшествовали усилия по соответствующей обработке общественного мнения всех стран, вовлечен-

ных в противостояние. Обе центральноевропейские империи – Австро-Венгрия и Германия, – преисполненные решимости не упустить шанс изменить равновесие на континенте в свою пользу, нуждались в том, чтобы заручиться поддержкой как собственной патриотической общественности, так и государств, сохранявших нейтралитет. Следовало преподнести войну как вынужденную меру, как защиту первостепенных национальных интересов, как последнее средство, которое осталось после того, как «искреннее стремление» к миру разбилось о ненасытность «второй стороны». Аналогичные меры по индоктринации общества приходилось предпринимать и остальным державам, за исключением Сербии и Черногории.

В этой связи уместно привести самое первое пропагандистское выступление, подлинное историческое значение которого установлено только благодаря кропотливому труду многих историков и аналитиков. Впрочем, плод их усилий не пригодится миллионам жертв, павших на полях войны. Полагаем, что обращение к первоисточнику официальной пропаганды позволит выявить те места в современных работах, которые представляют собой его завуалированное, сознательное или неосознанное воспроизведение.

3 августа 1914 г. в 13 часов император Вильгельм в своем дворце и в присутствии членов Рейхстага произнес тронную речь, которую опубликовали немецкие газеты:

«В этот тревожный момент я собрал вокруг себя предста-

вителей и делегатов немецкого народа. Почти полвека нам удавалось придерживаться мирного пути. Германия оставалась непоколебимой и после попыток приписать ей воинственные намерения. Мое правительство даже в провокационных, вызывающих условиях действует во имя высшей цели – морального, интеллектуального и экономического развития Германии. Миру известно ее неутомимое усердие. Мы для того и находимся на передовой в этой обстановке беспорядков и мятежей последних лет, чтобы уберечь от войны народы Европы. Казалось, что преодолена опасность, исходившая от военных событий на Балканах. Как вдруг внезапно разверзлась пропасть в результате убийства моего друга эрцгерцога Франца Фердинанда. Мой августейший союзник Франц Иосиф вынужден был взяться за оружие, дабы защитить безопасность своей империи от козней, которые строило соседнее государство. Российское правительство воспрепятствовало союзной для нас монархии в достижении ее оправданных интересов. К нам не только взывает наш долг, как немцев, и наши союзнические обязательства идти в ногу с Австрией, но перед нами стоит и колоссальная задача защитить от нападения вражеских сил наши собственные позиции, а также старый союз и культуру двух империй. С печалью в сердце я вынужден был провести мобилизацию своей армии против соседа, с которым она некогда воевала плечом к плечу. С искренней болью я наблюдал, как рушится дружба, которой Германия так дорожила. Российское прави-

тельство, поддавшись ненасытному инстинкту национализма, вступилось за государство, которое осуществило злодейское покушение и несет поэтому ответственность за несчастья войны. Не удивляет тот факт, что Франция также присоединилась к нашим противникам. Наши усилия к установлению дружественных связей с Францией очень часто разбивались о прежний гнев и прежние надежды. Все, на что способен интеллект и человеческие силы, дабы подготовить народ к принятию крайних решений, выполнено с вашей патриотической помощью. Ненависть, с давних пор подогреваемая к востоку и западу от нас, выплеснулась через край. Настоящая ситуация возникла не в результате одного преходящего столкновения интересов и не потому, что так сложились дипломатические обстоятельства. Она – следствие той неутолимой злобы, которая уже много лет стремится подорвать мощь и прогресс германской империи. Нами не движет жажда к завоеваниям. Мы преисполнены непоколебимой волей хранить то место, которое для нас уготовил Господь, сберечь его для себя и для будущих поколений. Из документов, которые вам раздадут, видно, как до последнего момента мое правительство и мой канцлер старались избежать крайних мер. Наша позиция легитимная и оборонительная, мы с чистой совестью обнажаем меч. Я направил народу германской империи призыв всеми силами защищать вместе с нашими союзниками то, чего мы добились мирным трудом. Следуя примеру наших отцов, тверды и верны, серьезны и рыцар-

ственны, честны перед Господом и горды перед неприятелем, мы поверяем себя вечному всемогуществу, дабы оно укрепило нашу оборону и привело ее к благополучному исходу. Весь немецкий народ, сплотившийся вокруг своих князей и своих вождей, направляет свой взор на вас. Примите решение единодушно и быстро. Таково мое желание»²⁴.

Эти тезисы на долгие годы и десятилетия останутся основополагающими для позиции политических представителей Германии и после 1918 г. И это вопреки полученным сведениям, которые недвусмысленно указывают на иную логику поведения германских правящих кругов и в том числе самого кайзера. Тем не менее озвученная позиция остается по сей день востребованной историографией.

Что касается Австро-Венгрии, то в ее ультиматуме от 23 июля, в письме о разрыве дипломатических отношений от 25 июля, а также в объявлении войны Сербии от 28 июля 1914 г. содержался весь набор клише о «сербской ответственности». Еще 20 июля венское правительство, рассылая в посольства в Берлине, Риме, Париже, Лондоне, Петербурге и Константинополе копии ноты, указывало, что к ее вручению, назначенному на 24 июля, следует присовокупить и пояснение. В нем Сербия называлась рассадником агитации, центром тайных и публичных организаций, составленных из офицеров и чиновников, контролирующих печать и неустанно подстрекаю-

²⁴ Берлин, 22. јула 1914 (по старом календару). Нарочит извештај // «Српске новине». 26. јула 1914 (по старому стилю). № 161. С. 2.

щих народ на мятеж против Австрии. В документе утверждалось, что сербские агенты проникают в приграничные районы Австро-Венгрии с целью посеять там ненависть и смуту, что действовавшие в Македонии четнические отряды переориентировались на Монархию, что сербское правительство не только этому не противодействует, но и потакает пропаганде, следствием которой и стало сараевское покушение. Австро-Венгрия была якобы принуждена к тому, чтобы защищать себя от этой опасности и принять новые срочные меры в отношении Белграда в надежде на то, что на ее сторону встанут все цивилизованные народы, которых не устраивает царубийство как средство политической борьбы и «которые хотят, чтобы Белград перестал быть постоянным источником козней»²⁵.

В написанной высоким стилем ноте, текст которой долго шлифовал барон Александр фон Мусулин, утверждалось, что «идея покушения зародилась в Белграде, что оружие и боеприпасы предоставили офицеры и чиновники – члены “Народной одбраны”, а переправили их офицеры сербской пограничной службы»²⁶. По сути, Сербия обвинялась в том, что она является центром движения, которое действует вне ее пределов – на территории Монархии, – что именно она стоит за целым рядом покушений и убийств. Сербское пра-

²⁵ *Јовановић Јован М.* Од ултиматума до рата // Српски књижевни гласник (СКГ). 1. Јун 1926. Књ. XVIII. Бр.3. С. 210–211.

²⁶ *Митровић А.* Србија у Првом светском рату. Београд. 1984. С. 70–71.

вительство было уличено в том, что оно толерантно относилось к деятельности различных обществ и объединений, направленной против Монархии.

Таким образом, сознательно игнорировался тот факт, что «омладинское» и революционное движение в империи Габсбургов представляло собой по большей части ее внутреннюю проблему, о которой были осведомлены правоохранительные органы, вводившие в отдельных областях (Хорватии и Славонии, Далмации, Боснии и Герцеговине) чрезвычайное положение и прибегавшие к репрессивным полицейским мерам. Не замечалось обращение подданных Монархии к Сербии, притягивавшей к себе все больше взглядов. «Виден» только мелкий экспансионизм Белграда.

Первой попыткой сфабриковать предлог для агрессии против Сербии стал фарсовый «процесс Фридьюнга» (1909), в ходе которого обвинение в измене было предъявлено авторитетным сербам – подданным Монархии. В июле 1914 г., несмотря на провал прежнего начинания, тот же тезис об «источнике» всех австро-венгерских проблем послужил основой для поиска нового повода к началу войны.

Ультиматум, написанный сколь изысканно, столь и решительно, в первых строках напоминал Сербии о следующих фактах:

«31 марта 1909 г. посланник Сербии в Вене сделал по приказанию своего правительства императорскому и королевскому правительству следующее заявление: “Сербия при-

знает, что *fait accompli* в Боснии и Герцеговине не затронул ее прав и что, следовательно, она будет сообразовываться с теми решениями, которые державы примут в соответствии со статьей 25 Берлинского договора. Принимая советы великих держав, Сербия обязуется впредь отказаться от занятой еще прошлой осенью позиции протеста и неприятия аннексии и, кроме того, обязуется изменить курс своей настоящей политики в отношении Австро-Венгрии, дабы в будущем пребывать с ней в добрососедстве»».

За этой «правовой основой» последовали грубые обвинения:

«Однако история последних лет и особенно прискорбные события, состоявшиеся 28 июня, продемонстрировали, что в Сербии имеется движение заговорщиков, которые ставят перед собой цель отторжения от Австро-Венгерской монархии известных частей ее территорий. Дошло до того, что это движение, возникшее на глазах у сербского правительства, проявило себя и вне территории Королевства, осуществив ряд террористических актов, покушений и убийств... Сербское правительство... ничего не предприняло, чтобы ликвидировать это движение; оно толерантно взирало на преступную деятельность различных обществ и объединений, направленную против Монархии, на невоздержанную тональность прессы, на восхваление совершивших покушение, на участие в заговоре офицеров и чиновников, на вредную пропаганду в государственных учебных заведениях. На-

конец, оно потакало всему тому, что могло возбудить в сербском населении ненависть к Монархии и презрение к ее установлениям. Это преступное (sic!) попустительство со стороны Королевского сербского правительства не прекратилось даже после 28 числа прошлого месяца, когда всему миру стали очевидны его пагубные последствия. Из показаний и признаний совершивших покушение... видно, что сараевское злодеяние замышлялось в Белграде, что оружие и взрывчатку, которыми были снабжены убийцы, передали им сербские офицеры и чиновники – члены “Народной обороны”...»²⁷.

Затем в ультиматуме перечислялись десять требований, из которых сербское правительство восемь приняло безусловно, а два – с оговорками. Но это не могло помешать выполнению сценария развязывания войны. Барон Гизль, уже облачившись для путешествия, едва ли несколько минут уделил чтению ответа, который ему вручил премьер Никола Пашич. Не позднее чем через двадцать минут в сербское правительство поступил следующий текст:

«Поскольку истек срок, отведенный нотой, которую я по поручению своего правительства вручил Его Превосходительству Господину Пачу позавчера в четверг в 6 часов пополудни, а приемлемый ответ я не получил, имею честь известить Ваше Превосходительство, что сегодня вечером я

²⁷ Српско-аустриски и Европски рат: дипломатска и друга документа. Књ. 1 (српска дипломатска преписка). Ниш, 1914.

оставляю Белград вместе с персоналом»²⁸.

Три дня спустя поступило и объявление войны, сопровождаемое следующим вердиктом:

*«Королевскому сербскому
министерству иностранных дел*

Поскольку Королевское сербское правительство не дало приемлемый ответ на ноту, врученную австро-венгерским посланником в Белграде 23 июля 1914 г., Императорско-королевское правительство считает необходимым самостоятельно обеспечить удовлетворение своих прав и для этого прибегает к силе оружия. Таким образом, Австро-Венгрия полагает, что с настоящего момента находится в состоянии войны с Сербией.

Граф Берхтольд».

В августе-сентябре 1914 г. участники конфликта поспешили вынести на суд своей общестственности, а также неопределившихся и нейтральных государств собственную «правдивую» версию причин начала войны. С этой целью все страны, включая Сербию, выпустили по тому тщательно отобранных дипломатических материалов. Следуя принципу «цель оправдывает средства», составители кроили их по своему усмотрению. Имели место и откровенные фальсификации. Так появились «белые», «синие», «красные», «оранжевые», «желтые» и прочие книги²⁹.

²⁸ Там же. С. 49.

²⁹ Collected diplomatic documents relating to the outbreak of the European War.

В 1915 г. последней к общему хору присоединилась Италия со своей «зеленой книгой». Сразу оговоримся, что и авторы послевоенных дипломатических сборников, посвященных предыстории войны, грешили тенденциозностью в выборе источников, замалчиванием «неприятных» документов, а также перепечаткой сомнительных материалов³⁰.

После победы союзников установление ответственности за развязывание войны продолжилось за зеленым сукном. С этой целью в 1919 г. победители сформировали экспертную комиссию, одним из членов которой стал профессор Белградского университета др. Слободан Йованович. Любопытно, что еще 1 марта он полагал, что никого не обвинят персонально, а будет озвучено лишь моральное осуждение. При этом казалось, что станут искать виновных в отдельных преступлениях и нарушениях международного права, за что могут осудить и самого кайзера. От делегации Королевства сербов, хорватов и словенцев потребовали предоставить к 1 марта сведения о намерениях Болгарии, которыми она руководствовалась при вступлении в войну и нападении на Сербию. Кроме того, было высказано пожелание сокра-

(H.M. Stationery Office). London, 1915; Le Livre Orange Russe // Official diplomatic documents relating to the outbreak of European war. (The Macmillan company). New York, 1916; Српско-аустрijски и европски рат: дипломатска и друга документа. Књ. 1 (српска дипломатска преписка); Књ. 2 (британска дипломатска преписка); Књ. 3 (руска дипломатска преписка); Књ. 4 (немачка бела књига). Ниш, 1914. (Последние четыре наименования доступны на сайте: www.velikirat.nb.rs)

³⁰ *Wilson Keith* (ed.). Forging Collective Memory. Government and International Historians through Two World Wars. (Berghan Books). Providence – Oxford, 1996.

тить список военных преступлений, совершенных болгарами³¹.

Описывая работу комиссии, С. Йованович указал, что она в первую очередь установила, что Германия стремилась к войне и намеренно ее спровоцировала. «Превентивная война», упреждающая «вероятное нападение, которое, неизвестно, произойдет ли в отдаленном будущем, – такая война заслуживает самого решительного осуждения». Комиссия также констатировала, что сразу после начала военных действий Германия, напав на Бельгию, нарушила международный договор, гарантировавший ее нейтралитет. Одним из гарантов выступала Пруссия. Это следовало считать «тяжким нарушением международного права». Комиссия сочла, что ни развязывание войны, ни нарушение бельгийского нейтралитета не могут считаться основанием для установления уголовной ответственности, так как наказание за это не предусмотрено международным правом. В то же время комиссия обнаружила состав преступления в том, как Германия и ее союзники вели военные действия, а именно варварски и противозаконно, вопреки всем нормам и вне всяких границ дозволенного. По некоторым вопросам мнения членов комиссии разошлись. В конце концов Верховный совет принял отчет комиссии, скор-

³¹ Zapisnici sa sednica Delegacije Kraljevine SHS na Mirovnoj konferenciji u Parizu 1919–1920 (отв. ред. Krizman B., Hrabak B.). Beograd, 1960. S. 64; Mitrović A. Jugoslavija na Konferenciji mira 1919–1920. Beograd. 1969.

ректировав те его положения, которые касались судебного преследования глав государств. Так, было решено, что перед судом предстанет лишь германский кайзер. Однако не за преступления, совершенные во время войны, а за «неуважение международной морали и святости договоров». Другими словами – за развязывание войны и нарушение нейтралитета Бельгии³².

Возглавляемая Робертом Лансингом Комиссия по установлению виновников войны, как назывался этот орган, подытожила представленный 29 марта 1919 г. доклад следующим выводом: «Война была спланирована Центральными державами, а также их союзниками и представляет собой результат действий, осуществленных умышленно и с намерением сделать оную неизбежной. В согласии с Австро-Венгрией Германия сознательно отвергала многочисленные предложения посредничества Антанты и препятствовала ее усилиям по предотвращению войны». По мнению Лансинга, разжигатели войны заслуживали того, чтобы быть заклеенными перед историей³³.

Выводы комиссии были зафиксированы в мирных догово-

³² Јовановић Слободан. Конференција мира и питање о ратној одговорности (1920). // Јовановић С. Из историје и књижевности. II. (СКЗ и др.). Београд, 1991. С. 247–251 (С. Јованович вместо термина «комиссия» употребляет термин «комитет». На этот текст наше внимание обратил историк др. Борис Милосавлевич).

³³ Буха Велибор. Србија у немачком и аустријском тумачењу кривице за Први светски рат 1919–1941. (текст магистерской диссертации). Београд, 2010. С. 14–15.

рах как непреложные факты, с которыми пришлось согласиться и проигравшим, поставившим под ними свою подпись. Этот момент стал отправной точкой кампании за ревизию вышеприведенных оценок, которая безостановочно продолжается уже сто лет.

В этом отношении межвоенному времени присущи свои черты, как, впрочем, и периоду холодной войны, когда на первый план вышли интересы сплачивания западного блока (НАТО), образованного из бывших военных противников. Особый характер развитию вопроса придавало то, что оно протекало в общем контексте пересмотра роли Германии в развязывании Второй мировой войны. Традиционная немецкая «школа умалчивания» столкнулась с новым бесстрашным направлением, что привело к оформлению некоторых приобретших широкую известность противоречий («Контroversия Фишера»). Однако этого бы не произошло без открытия ранее неизвестных или намеренно «укрывааемых» архивных материалов.

В 1990-е гг. новый подход к «Балканам» с присущей ему интерпретацией сербского фактора снова вернул нас во времена, когда большее внимание уделялось проблеме «вины за начало войны», а не историческому ходу событий, глубоким корням глобальных конфликтов, которые однажды переросли в Великую войну. Ярчайшим примером политической спекуляции на историческом прошлом последнего времени можно считать речь американского президента Б. Клинто-

на, автор текста которой написал, что обе мировые войны начались на Балканах. В конце XX в. новое злоеющее звучание приобрело старое австро-венгерское клише о «нецивилизованных» Балканах, на которых некая «цивилизованная» великая держава должна установить порядок. Даже если ситуация не была на самом деле столь «нецивилизованной», ее следовало такой представить. Одновременно возродились прежние антибалканские предрассудки, культивировавшиеся в Германии и имевшие очевидную расистскую подоплеку³⁴.

Многоуровневый характер дискуссии, приуроченной к столетию Балканских войн, служил провозвестником вероятных направлений полемики в связи с годовщиной Первой мировой войны. Бросалась в глаза абсолютно неисторичная трактовка того, что представлял собой национализм, идеи свободы и равноправия в конце XIX – начале XX в. Не признавался легитимный характер традиции борьбы за свободу, особенно если эта борьба протекала на территориях, находившихся в сфере интересов бывших империй. Наиболее безапелляционно в этом смысле высказывался профессор Тимоти Снайдер. По его мнению, наряду с националистическими движениями, по вине которых распалась Турция, «внут-

³⁴ *Selesković Momčilo*. Srbija u nemačkom javnom mnjenju 1914–1918. Sorbona, 1919 (Beograd, 1996); *Ekmečić Milorad* Beleška o ulozi rasizma u određivanju nemačkih ratnih ciljeva 1914–1918” // *Ekmečić M*. Ogledi iz istorije, drugo izdanje. (Službeni list SRJ). Beograd, 2002. S. 273–284; *Ристовић Милан*. Црни Петар и балкански разбојници. Балкан и Србија у немачким сатиричним часописима (1903–1918). (УДИ – Чигоја штампа). Београд, 2011.

ри сербского правительства действовали силы, стремившиеся присвоить часть территорий Австрии, то есть повторить то же, что они проделали с Османской империей». Русские и сербы обвиняются во многих злодеяниях, на которые не пошел бы цивилизованный мир. Как и Каплан, Снайдер полагает, что балканский национализм повлиял на формирование мировоззрения Гитлера и его программы³⁵. Намеренно упускается из вида, что стремление к свободе, например в Боснии и Герцеговине, проявлялось не только во время восстания 1875–1878 гг., но и позднее – в период австро-венгерской оккупации. Ничего не говорится о восстании 1882 г., в котором совместно участвовали и сербы, и мусульмане. Игнорируется тот факт, что до того момента Сербия проводила лояльную политику в отношении Австро-Венгрии, что первые массовые депортации мусульман на Восток произошли именно с территории Боснии и Герцеговины, которые империя сначала, преодолевая сопротивление, оккупировала, а затем и полностью подчинила своей власти. Закрываются глаза на гнев сербского и мусульманского населения, вызванный состоявшейся в 1908 г. аннексией. Волишебным образом только в 1912 г. «начинается» исход мусульман с Балкан, который некоторые авторы даже называют «ге-

³⁵ Примером служит профессор истории Йельского университета (Yale University) Тимоти Снайдер (Snyder T. Hitler's Logical Holocaust // The New York Review of Books. Dec. 20. 2012. (<http://www.nybooks.com/articles/archives/2012/dec/20/hitlers-logical-holocaust/>.)

ноцидом»³⁶. Сегодняшнее представление о «гуманных» формах глобализации проецируется на прежние империи, которые преподносятся как толерантные, мультиэтничные образования. Продвижению этой концепции служит и тезис, будто кризис и распад мультиэтничной Османской империи начались не ранее, чем в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и последовавшего Берлинского конгресса: «Договор (1878 г. – М. Б.), утвердив новый принцип унитарного национального государства, посеял семя будущих конфликтов – от Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой войны до современных гражданских войн и этнических чисток на территории бывшей Югославии. Тяжесть понесенного Турцией поражения... и территориальных потерь оказалась фатальной для проекта мусульманских либеральных реформ и модернизации, начатой Османской империей в середине XIX века». Вина за столь прискорбный ход событий, разумеется, лежит на преисполненных национализма малых балканских государствах, а также на их восточном покровителе. Под этими инсинуациями стоят подписи профессоров Юты, Индианы, Стэнфорда³⁷. Следует,

³⁶ McCarthy Justin. Death and Exile: The Ethnic Cleansing of Ottoman Muslims, 1821–1922. (Darwin Press). Princeton N.J, 1995.

³⁷ Yavuz M. Hakan, Sluglett P. (eds). War & Diplomacy. The Russo-Turkish War of 1877–1878. Utah University Press, 2010. (См.: Introduction – Laying Foundations for Future Instability. P. 1, 2, 4; См. также текст на обложке. По словам составителей, в сборнике «argues that the key events that portended the beginning of the end of the multiethnic Ottoman Empire were the Russo-Turkish War of 1877–1878 and

*впрочем, отметить, что подобные и даже более оголтелые заявления не остаются без ответа и возражений, о чем свидетельствуют сборники, опубликованные за последние два года*³⁸.

В том же ключе авторы многих работ, опубликованных в связи с годовщиной начала Первой мировой войны, отзываются и об Австро-Венгрии. Будучи «фактором стабильности», «цивилизационного развития и процветания», она не могла в конце концов не ответить на провокационное воз-

the Treaty of Berlin. The essays in this volume analyze how the war and the treaty permanently transformed the political landscape both in the Balkans and Caucasus. The Treaty marked the end of Ottoman hegemony in the Balkans... By introducing the unitary nation state as the new organizing concept, the treaty planted the seeds of future conflict, from the Balkan Wars of 1912–1913 and the First World War to recent civil wars and ethnic cleansing in former Yugoslavia. The magnitude of the defeat... and territorial loses that followed proved fatal to the project of Muslim liberal reform and modernization that the Ottoman state had launched in the middle of the nineteenth century». В предисловии (С. 2) можно обнаружить и следующее утверждение: «Montenegro obtained most of the Albanian-inhabited territories of Nikšić, Podgorica and Bar». Об этом пишут Кемаль Силай (Kemal Silay, Indiana University Bloomington) и Али Яйцы-оглы (Ali Yauciogly, Stanford University).

³⁸ *Yavuz M. Hakan, Blumi Isa (eds.). War and Nationalism. The Balkan Wars, 1912–1913, and their Sociopolitical Implications. Utah University Press, 2013; Балкански рат 1912/1913: Нова виђења и тумачења – The Balkan Wars 1912/1913: New Views and Interpretations. (Отв. ред. Рудић Срђан, Милкић Миљан. Институт за стратегијска истраживања – Историјски институт). Београд, 2013; Први балкански рат 1912/1913. године: друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912) – The First Balkan War: Social and Cultural Meaning (on the 100th Anniversary of the Liberation of the Old Serbia and Macedonia). (отв. ред. Растовић Александар. Филозофски факултет у Нишу). Ниш, 2013.*

действие сербского национализма – «фактора дестабилизирующего». От авторов, сознательно формирующих «идеальный образ» Монархии, не стоит ожидать объективного компаративного анализа. На одной стороне – Сербия, которая после Балканских войн оказалась в ситуации «этнически сложной реальности» и которая повинна в преступлениях на обретенных территориях, воспринимаемых ею как к колонии. А на другой – Австро-Венгрия, представляющая собой «правовое государство», «ошеломляющее своей справедливостью», придерживающееся в своей политике принципа «постепенности и настойчивости», преисполненное «духа взаимного уважения и толерантности в отношениях между различными этническими и религиозными общинами». Государство с «совершенной администрацией», с верховенством «закона и порядка», с разветвленной транспортной сетью, связывающей воедино всю страну, с «государственным образованием», «социальной и гигиенической защитой» и т. д. При описании этого «рая на земле» абсолютно исключено употребление терминов «колониальная политика» или тем более «империализм». Если верить вышесказанному, у сербов в Боснии и Герцеговине не было ни единого рационального повода к недовольству. Восхваление достигает апофеоза в утверждении, что «к 1914 г. Босния и Герцеговина достигли уровня, сопоставимого с остальными областями Двойной монархии». Соответственно, быть противником всего вышеперечисленного мог только «иррациональный наци-

онализм»³⁹. В своем недавнем интервью австрийский историк Манфред Раухенштайнер (Manfried Rauchensteiner) заявил: «По своей природе Австро-Венгрия (а Югославия? – М. Б.) была помехой для любого националистического государства. Между прочим, словенцы и хорваты воспринимали Австро-Венгрию не так, как сербы. Даже в Боснии и Герцеговине принимали Австро-Венгрию. Многие, кто смотрит в прошлое из 2014 г., говорят, что австро-венгерские многонациональные государственные рамки (а югославские? – М. Б.) оставались жизнеспособными»⁴⁰. С вышеприведенными оценками диссонирует игнорируемая многими классическая работа историка Робина Оки, который рассматривал австро-венгерский режим в более достоверном контексте, а именно империализма того времени⁴¹.

У непосвященного читателя под влиянием подобной апологетики может сложиться впечатление, будто у Австро-Венгрии не было реальных внутренних проблем, а лишь одна внешняя – сербский «заговорицкий» проект. Таким об-

³⁹ Clark Christopher. The Sleepwalkers – How Europe Went to War in 1914. London: Harper, 2012. P. 43, 71, 74, 75, 76. («Если коротко, то администрация Габсбургов относилась к новым провинциям так, чтобы они являли собой показательный пример того, насколько эффективно и гуманно правление Габсбургов... К 1914 г. Босния и Герцеговина по степени развития были сопоставимы с остальными областями монархии». P. 75)

⁴⁰ Фердинанд није желео рат против Србије // НИН. 26.06.2014. С. 56–59 (интервью с М. Раухенштайнером)

⁴¹ Okey Robin. Taming Balkan Nationalism. The Habsburg 'Civilizing Mission' in Bosnia, 1878–1914. (Oxford University Press). NY., 2007. С. VIII.

разом, в Монархии не было антисемитизма, прозелитизма, денационализации (интенсивной мадьяризации и онемечивания), не было конфликта двух половин империи, поставившего ее на грань распада и даже войны, отсутствовали хорватско-венгерские, чешско-немецкие, венгерско-румынские, венгерско-словацкие, итальянско-австрийские противоречия, не осуществлялось сопротивление введению военной обязанности на оккупированных территориях. В конце рассматриваемого периода 87 % населения Боснии и Герцеговины не оставались неграмотными, не было сохранившихся с османской эпохи архаичных феодальных отношений и вызванных ими мятежей и восстаний (1910), из-за которых пятикратно увеличилось количество полицейских участков, а также произошло расширение сети и рост численности военных гарнизонов. Не существовало бедных, грязных и отсталых районов, в которых гарнизонным офицерам, по словам историка Иштвана Деака, не оставалось ничего другого, как «пить не просыхая»⁴².

Историк Милош Кович напоминает, что происходившее на Балканах полностью укладывалось в общую тенденцию того времени. Против Османской империи восстали не

⁴² Об ошибочности сделанных Кларком оценок речь пойдет в главе «Столетняя годовщина событий – возобновление обсуждения и полемики». См. также содержательный критический анализ, представленный историком Марией Тодоровой, а также аргументированные опровержения и ясные наблюдения, сделанные историком Милошем Воиновичем на основании произведений мировой литературы (Balcanica. XLIV. 2013. Str. 422–433).

только на Балканах, но и во всех остальных ее пределах. В Европе взбунтовались все малые нации: каталонцы, ирландцы, финны, поляки, литовцы, эстонцы, румыны, итальянцы – подданные империй. Норвежцы отделялись от шведов. Повсюду возникали общества заговорщиков, от рук которых погибали короли, королевы, президенты, губернаторы, премьер-министры... Победа Японии способствовала пробуждению самосознания народов Азии. Наступило время массовых забастовок, охвативших все страны⁴³.

Согласились бы сегодня итальянцы, венгры, чехи, словаки, поляки или румыны, чтобы всю их историю XIX в. и периода Первой мировой войны пересмотрели ради интересов тех сил, которых мировые войны смели с исторической сцены? Сторонникам исторического ревизионизма костью поперек горла становится каждый исторический факт, отступающий от параметров новой политической корректности. Так, некоторым участникам дискуссии о Балканских войнах «сомнительными» кажутся сообщения сплитской газеты «Слобода» – органа Хорватской народной прогрессивной партии, – опубликовавшей 18 августа 1912 г. передовицу «В Хорватии сколачивают виселицы...». В ней шла речь о вынесенных 12 августа в Загребе приговорах Луке Юкичу (совершившему покушение на бана Цуваля), Джуре Цвиичу, Августу Цесарцу, Франье Неидхарду и др. Статья, а точнее плакат,

⁴³ Ковић Милош. Гаврило Принцип, Документи и сећања. (Прометеј – РТС). Нови Сад, Београд, 2014, С. 20–24.

заканчивалась словами: «Пускай льется кровь, ибо только кровью питается древо Свободы. Да здравствует объединение и освобождение югославян – хорватов, сербов и словенцев!». Произошло это за два месяца до начала войны, которой суждено было воодушевить славян по всей Монархии. Множество таких свидетельств о настроениях в «мультиэтничной и толерантной» империи читатель обнаружит не только в произведениях современников – Йосипа Хорвата, Оскара Тарталы, – но и в работах молодых хорватских историков, как, например, Игора Деспота⁴⁴.

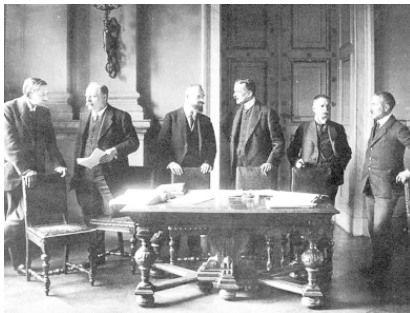
В то же время на интересующих нас территориях имели место и другие политические течения, пребывавшие в меньшинстве, но весьма крикливые и пользовавшиеся поддержкой австро-венгерских властей, особенно после Сараевского покушения. Речь идет о Чистой партии права, которая во многих городах Хорватии и Боснии стала зачинщиком антисербских погромов и демонстраций. Партийная печать разжигала ненависть, а выступления депутатов Сабора представляют собой образцы пропаганды, которая еще многие десятилетия будет оказывать влияние на историков. Приведем выступление председателя партии др. Александра Хорвата, представившего франковское видение Сараевского покушения:

⁴⁴ Horvat Josip. Pobuna omladine 1911–1914 (priredio Branko Matan). (SKD Prosvjeta Gordogan). Zagreb, 2006. S. 172; Despot Igor. Balkanski ratovi 1912–1913. i njihov odjek u Hrvatskoj. (Plejada). Zagreb, 2013. S. 189–268.

«Исторический факт, что прискорбное сараевское злодеяние, совершенное сербской рукой, разожгло огонь пожара. Факт состоит в том, что небольшое Королевство Сербия, ошибочно воспринимающее как свое предназначение, так и принцип народного единства, а также руководствующееся собственными империалистическими устремлениями, посмело пойти против своего соседа – мощной монархии – и осуществить покушение, которое не могло остаться без возмездия. И оно последовало. Вспомним, с какой озабоченностью в те дни мы ожидали, что произойдет. И каждый понимал: что-то должно быть предпринято ради сохранения чести и авторитета старославной габсбургской династии, коли пал самый достойный ее представитель»⁴⁵.

⁴⁵ Цит. по: *Krizman Bogdan. Hrvatska u Prvom svjetskom ratu. Hrvatsko-srpski politički odnosi. (Globus). Zagreb, 1989. S. 142–143.* (Речь депутата А Хорвата на заседании Сабора 10 августа 1914 г.)

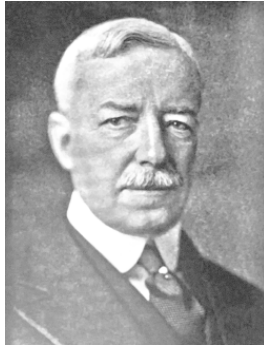
Нужны ли были Сербии международный кризис и война в 1914 г.?

Германская делегация, подписавшая в Версале 231-ю статью мирного договора

Генерал-губернатор Боснии и Герцеговины Оскар Потioreк – сторонник войны с Сербией

Госсекретарь США Роберт Лансин возглавлял в 1919 году американскую делегацию и Комиссию по установлению виновников войны на Парижской мирной конференции

Профессор Слободан Йованович, член Международной

комиссии на Мирной конференции

Сербский премьер-министр Никола Пашич

Генерал-фельдмаршал Конрад фон Гетцендорф, начальник генштаба австро-венгерских войск, неизменно требовавший военного решения сербской проблемы

Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Леопольд фон Берхтольд

Если рассматривать в отдельности стремление Австро-Венгрии любой ценой заклеить официальный Белград как виновника Сараевского покушения, а его проект «Великой Сербии» как безусловно представляющий опасность для Монархии, то можно и сегодня обнаружить историков, которые пытаются придать новый импульс этим усилиям и доказать, что Вена имела моральное право развязать войну. Эти авторы полагают, что, если бы сербское правительство хотело сохранить мир в Европе, оно могло бы полностью согласиться с условиями австро-венгерского ультиматума. Сегодня снова востребовано мнение американского историка Иоахима Ремака, заявившего в 1971 г., что, «если бы Белград не рассчитывал на создание Великой Сербии, он смог бы найти выход после предъявления австрийского ультиматума. Приняв его полностью, Пашич бы нарушил все австрийские планы». Ремак подытоживает, что «до-

стижение сербских целей воспринималось как заслуживающее того, чтобы вступить в войну с Австрией. Даже с учетом того, что этот конфликт мог спровоцировать столкновение блоков европейских держав»⁴⁶. По-видимому, Ремак не знал, что советник и профессор Венского университета Гольд фон Фернек разработал для Баллыплатца альтернативный план на тот случай, если Сербия все-таки со всем согласится: «Если Сербия примет все наши требования без возражений, мы могли бы отвергнуть ее ответ на том основании, что она не уложились в срок, отведенный для подтверждения выполнения всех требований, которые следовало выполнить “сразу” и “со всей возможной поспешностью”, а также в виду того, что она нас об этом, как, например, о роспуске «Народной одбраны», не “известила безотлагательно”»⁴⁷. У самого министра Берхтольда на этот случай имелся свой план. На вопрос германского поверенного в делах в Вене «что, если Сербия примет ультиматум и все закончится ничем?» он 17 июля ответил, что в таком случае Австро-Венгрия предоставит самой себе значительную свободу выбора средств для выполнения собственных требований. Предварительно Берхтольд заявил, что условия ультиматума непри-

⁴⁶ *Remak Joachim*. 1914 – The Third Balkan War: Origines Reconsidered // *Journal of Modern History*. № 43. 1971. (повторно опубликовано в: *Koch H. W.* (ed.). *The Origins of the First World War: Great Power Rivalry and German War Aims*. 2nd edn. London, 1984. P. 101–27).

⁴⁷ *Габруш Ненад П.* Јован Јовановић Пижон и европска дипломатија Србије (1913–1918). (Завод за уџбенике). Београд, 2011. С. 138–139.

емлемы для Сербии⁴⁸.

Аника Момбауер в своей работе, опубликованной в 2002 г., следует в фарватере исследований Ремака, а также Марка Корнуолла (1995), М. Раухенштайнера (1993) и Хью Стракана (2001). Так, Корнуолл категорично утверждает, что Пашич в конце июля 1914 г. знал, что «Великая Сербия может родиться только в огне общеевропейской войны. Ее началу Сербия поспособствовала тем, что не пожелала в ходе Июльского кризиса вернуться в положение австро-венгерского сателлита». Некоторые из перечисленных авторов разделяют мнение Фридриха Вюртле, высказанное им в книге «След ведет в Белград: подоплека драмы в Сараево 1914» (1974)⁴⁹. По их мнению, «не остается сомнений в том, что премьер Пашич, его коллеги, а также шеф сербской разведки полковник Димитриевич и некоторые военачальники знали о плане покушения». Кое-кто, как, например, Корну-

⁴⁸ *Mombauer Annika* (ed.). *The origins of the First World War: Diplomatic and military documents*. (Manchester University Press). Manchester – New York, 2013. P. 127. (Prince Willhelm Stolberg-Wernigerode to Gotlieb von Jagow, State Secretary, Private letter, Vienna, 18 July 1914, R. 20 July)

⁴⁹ *Она же*. *The origins of the First world war, Controversies and consensus*. (Longman) London, 2002. P. 206–207 (сербское издание: *Момбауер Аника*. *Узроци Првог светског рата, Спорена и сагласности*. (CLIO) Београд, 2013. С. 177–178); *Rauchensteiner Manfred*. *Der Tod des Doppeladlers: Osterreich-Ungarn und Erste Welt Krieg*. Graz, Vienna and Cologne, 1993. С. 85 (Цит. по: Момбауер А. *Узроци Првог светског рата...* С. 178, 188); *Würthle Friedrich*. *Die Spur führt nach Belgrad: Die Hintergrunde des Dramas von Sarajevo 1914*. Vienna, 1974; *Strachan Hew*. *The First World War. Vol. I: To Arms*. Oxford, 2001.

олл, напоминают, что этот факт еще в 1960-е гг. установил Владимир Дедиер в своей книге «Сараево»⁵⁰. Если хотя бы была указана страница, на которой Дедиер об этом якобы пишет, с этим можно было бы полемизировать. Результаты изысканий вышеперечисленных авторов используются и сегодня, но об этом позднее.

В настоящее время, наряду с известными историками-ревизионистами (К. Кларк, Ш. Макмикин), есть и другие, кто считает, что не только Берлин и Вена, но и другие европейские столицы склонны были подозревать Сербию в организации сараевского покушения. При этом, однако, отмечается, что эти подозрения лишь отчасти были оправданными. Заговорщики осуществили покушение по указанию или при поддержке «Черной руки» – организации, тесно связанной с армией. Главное действующее лицо – шеф военной разведки Апис, считавший Фердинанда опасным подстрекателем войны. Что касается правительства во главе с Н. Пашичем, то оно, будучи осведомленным о планировавшемся, предупредило Вену. Некоторые исследователи отмечают, что Австро-Венгрии ни в ходе первоначального расследования, ни после изучения захваченных сербских документов не удалось доказать участие правительства в покушении или уста-

⁵⁰ Cornwall Mark. Serbia // Wilson K. (ed.) Decision for War 1914. (St. Martin Press) New York 1995. P. 83–84 (Цит. по: Момбауер А. Узроци Првог светског рата... С. 177, 188); Dedić V. Sarajevo 1914. Beograd, 1966 (1979), (англ. издание: The Road to Sarajevo. London, 1967; франц. издание: Sur la route de Sarajevo. (Gallimard) Paris, 1969).

новить связь между заговорщиками и российским военным агентом⁵¹. Тем не менее стоит запомнить следующее умозаключение историка Оливера Янца: «Если где-то военные круги и оказывали решающее влияние на политику, без которого не началась бы война, то это в Сербии. Здесь армия была ключевым фактором внутренней и внешней политики»⁵².

Что касается невнимательного чтения книги Владимира Дедиера «Сараево 1914», переведенной, кстати, на английский и французский языки, то им грешит не один Корнуолл. Французский историк Жан-Поль Блед, которому тоже ближе взгляды Фридриха Вюртле, утверждает: «Черная рука рекрутировала многих рожденных в Боснии молодых людей, готовых пожертвовать жизнью, дабы в лице эрцгерцога нанести удар проклятой расе Габсбургов». И далее: «Пройдя обучение в Белграде, юноши, отобранные Черной рукой... перешли в Боснию... перед тем как присоединиться к другим агентам, которые пополнили группу». Не обвиняя Пашича в непосредственном участии в заговоре, Блед отмечает: «Будучи осведомленными о плане покушения, его осуждали даже собственные министры. Согласившись с ними, он тем не

⁵¹ *Janz Oliver*. 14 Derr Groesse Krieg. (Campus Verlag GmbH) Frankfurt am Main, 2013 (сербское издание: *Јанц Оливер*. 14. Велики рат. (Прометеј) Нови Сад, 2014. С. 69); *Stevenson David*. Cataclysm. The First World War as Political Tragedy. New York, 2004. P. 10; *Kramer Alan*. Dynamic of Destruction, Culture of Mass Killing in the First World War. Oxford University Press, 2007. P. 109.

⁵² *Јанц О*. Указ. соч. С. 40.

менее не сделал ничего конкретного, чтобы предотвратить убийство. Пашич мог дипломатическим путем или по другим каналам оповестить австро-венгерские власти о готовящейся операции. Но он воздержался от этого. Кроме того, он располагал возможностью приказать полковнику Димитриевичу отозвать распоряжение, направленное им находившейся в Сараево группе. В конце концов сербский посол в Вене ограничился выражением одному австрийскому министру опасений в связи с тем, что жизнь эрцгерцога может оказаться под угрозой во время поездки в Сараево». Помимо утверждения, будто Черная рука организовала Сараевское покушение, из цитируемой монографии можно почерпнуть и другие выводы: «Черная рука считала австро-венгерских вельмож своей приоритетной мишенью. Франца Иосифа предполагалось убить во время его поездки в Сараево в 1910 г. (за год до создания организации Объединение или смерть (Черной руки) – прим. автора)». Французский историк убежден, что организация стояла за «покушениями на бана Хорватии и представителя Монархии в Боснии и Герцеговине»⁵³.

Существует и мнение, что Сербия убила эрцгерцога, дабы помешать ему наладить австрийско-российские отношения. Ведь без России Сербия не могла воплотить свою программу

⁵³ *Блед Жан Пол.* Франц Јозеф. (СЛИО, Глас српски) Београд, 1998. С. 604–607 (французское издание: *Bled Jean-Paul.* François Joseph. (Fayard) Paris, 1987).

территориальной экспансии⁵⁴.

Французский историк, профессор университета и председатель Центра по изучению Великой войны Жан-Жак Бекер в своей книге «Год 14» (2004, 2013) высказывает точку зрения, противоположную позиции вышеперечисленных авторов. Излишне упоминать, что и он детально изучил работу Дедиера. По мнению Бекера, и сто лет назад, и сегодня непоколебимы позиции гипотезы, согласно которой замысел и организация покушения – дело рук группы боснийских гимназистов, восторженных националистов, группировавшаяся вокруг Принципа. Однако покушения не состоялось бы без участия Черной руки, предоставившей оружие заговорщикам в ответ на их просьбу. Французский автор один из немногих, кто упоминает тот факт, что Черная рука в последний момент попыталась предотвратить убийство. При этом сербское правительство не несет за него никакой ответственности. Неопровержим факт, что некоторые приготовления осуществлялись на территории Сербии (но тайно – М. Б.). *Само правительство, когда пошли слухи, что некие вооруженные гимназисты попытались перебраться в Боснию, не смогло этому воспрепятствовать. Бекер категорично заявляет: «Часто звучат предположения, будто покушение совершено Черной рукой. Однако нет ни одного элемента, их подтверждающего. Соучастие – да, организация – нет»*

⁵⁴ Там же. С. 604.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.